

Сергей Серванкос

НЕУДАЧИ

для любителей детективов

Сергей Серванкос

Ненависть

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Серванкос С. И.

Ненависть / С. И. Серванкос — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2645-9

Если вы любите запутанные дела и неожиданные результаты расследований, то эта книга то, что вам нужно. Детективный роман и несколько коротких рассказов о загадочных происшествиях помогут не только скоротать время, но и заставят на многое посмотреть по-новому.

ISBN 978-5-5321-2645-9

© Серванкос С. И., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Ненависть	5
1 часть. Рождение	6
1. Преступление	6
2. Версии	11
3. Семья Романа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ненависть

(сокращённый вариант романа)

«Дорогие, будем любить друг друга, потому что любовь – от Бога, и всякий, кто любит, рождён от Бога и познаёт Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1Иоанна 4:7,8)

1 часть. Рождение

«Почему ты рассердился и почему твоё лицо помрачнело? Если делаешь добро, то не будешь ли возвышен? А если не делаешь добра, то у входа подстерегает грех, и он хочет завладеть тобой, но будешь ли ты господствовать над ним?» (Бытие 4:6б,7)

1. Преступление

Терпеть не могу воскресения, особенно такие, как сегодня: погода ужасная, с утра льёт дождь, как из ведра, небо нахмурилось, будто его сильно обидели; на работе ни одного интересного дела, короче, тоска зелёная, и одна надежда развеять её – это хороший натюрморт. Уже несколько лет живопись спасает меня в подобные дни.

Рисовать я любил с детства, даже мечтал стать художником, но посмотрев однажды фильм «Дело пёстрых», заболел уголовным розыском, и вот, более двадцати лет, служу следователем в угрозыске и ничуть не жалею об этом. Работа мне нравится и, по сути, только она – единственная утеха в моей жизни, поскольку, с семьёй у меня вышел пшик. Была жена, но она невзлюбила мою работу и не захотела терпеть соперницу, детей у нас, как-то не случилось, поэтому теперь я закоренелый холостяк. Живу работой, живу ради работы и, по сути, она моя жена, моя семья и всё остальное. Сам я детдомовский, поэтому не люблю хныкать, но сегодня просто засада какая-то: ещё и зуб достаёт с вечера, всю ночь спать не давал, сверлил мозг тягучей, нестерпимой болью.

Я вытащил переносной этюдник из шкафа и, кривясь от ночного кошмара, не думающего прекращаться, стал устанавливать мольберт возле окна, по стеклу которого барабанил нескончаемый дождь. Трубчатая ножка упорно не желала выдвигаться, что-то заклинило, видимо, от старости. Ну, что сегодня за день такой! Все напасти навалились, как снежный ком и не дают вздохнуть спокойно. Звонок телефона прервал брюзгливые думы.

– Здравствуйте, Андрей Игоревич! Срочно выезжайте по адресу: Нахичеванская 105, квартира 10, здесь, похоже, двойное убийство, – быстро тараторил мой помощник – Булкин Петя, славный парень, только из юридического, весь горит и рвётся в бой, помешан на детективах и Шерлоке Холмсе (мы его так и прозвали: Холмс). – Я сегодня дежурю и уже на месте, тут такое! Кто-то, видимо, под самоубийство сработал, короче, как вы любите.

Я машинально отложил так и не разобранный этюдник и быстро стал одеваться. Слова Пети обнадеживали. Он хоть и молодой, и неопытный, но на интересные дела у него чутьё (интуиция, как любит говорить сам Петя), а запутанное дело в такие мерзкие дни, как глоток холодной воды в раскалённой пустыне. Вот только зубная боль уже достала до печенки, надо забежать в аптеку и купить что-нибудь обезболивающее.

За полчаса старина Опель, купленный по дешевке у одного барыги, ещё в конце прошлого века, домчал меня по нужному адресу. По пути забежал в аптечный киоск, купил обезболивающее и сразу проглотил пару таблеток, запив чаем из термоса, который всегда возил с собой.

В четырёхкомнатной квартире работала опер группа. Петя, увидев меня, быстро подошёл и протянул руку.

– Здравствуйте, Андрей Игоревич! Здесь такое! В кабинете хозяин – Львов Виктор Осипович, полковник ФСБ в отставке, с простреленной головой, а в спальне его жена – Львова Виктория Павловна тоже с огнестрелом, жуть! Следов грабежа не видно.

Я зашёл в кабинет, просторную комнату с большим письменным столом возле окна и высокими книжными шкафами, слева у стены стоял кожаный диван, возле него торшер и журнальный столик. За столом в кожаном кресле сидел грузный мужчина лет шестидесяти,

его голова была запрокинута назад, руки, словно плети, свисали по бокам кресла, возле правой кисти на полу лежал ПМ. На столе под массивной лампой белел лист бумаги. Я подошёл ближе и прочитал напечатанный текст:

«В моей смерти прошу никого не винить! Жену убил из сострадания, не могу видеть, как она мучается, а жизнь без неё не имеет смысла. Полковник Львов».

Потом Петя повёл меня в спальню. Там, стояла широкая кровать. По краям от которой две одинаковые тумбочки. На правой лежало несколько журналов и газет, поверх них очки. На левой стояли пузырьки, стакан и тарелка с коробочками, видимо, каких-то лекарств. На обеих тумбочках возвышались шикарные настольные лампы с витиеватыми абажурами. Слева на кровати лежала женщина, глаза её были закрыты, казалось, что она просто спит. Её бледное лицо было измождённым и исчерчено глубокими морщинами, но, не смотря на это, была в нём некая красота и грациозность. Следов ранения не было видно, только присмотревшись, я заметил пятна крови на подушке возле левого уха. Видимо, выстрел произвели в рот потерпевшей, странно, почему тогда крови так мало?

– Убитая видимо болела раком, наш эксперт сказал, судя по лекарствам, – поведал Булкин, указывая на тумбочку слева.

– Петь, а с чего ты взял, что это не то, что в записке? – спросил я помощника.

– Убитый левша, а пистолет у правой руки, а убитую, видимо, сначала отравили, а потом выстрелили в рот, чтобы имитировать огнестрел, видите, крови на подушке почти нет.

– Молодец, настоящий Холмс! Ну что же, дельце действительно интересненькое. Ты прав, Петь, здесь есть над чем покумекать.

Зубная боль утихла, то ли таблетки подействовали, то ли новое дело увлекло так, что боль позабылась. Мы вернулись в кабинет.

– Слушай, Петь, а как ты догадался, что убитый левша? – спросил я молодого Холмса, решив проверить его дедукцию.

– Так это же элементарно, Ватсон, смотрите: на столе подставка для ручек стоит под левую руку, а вот фото убитого, где он играет в теннис, смотрите ракетка в левой руке, убийца, видимо этого не знал, а рассматривать фотографии ему было некогда.

– Настоящий Шерлок Холмс, молодец! Так, а кто сообщил о происшествии?

– Дочь убитых, она приехала в гости из Нижнего, а тут такой сюрприз, бедную сейчас врач на кухне отхаживает. Молодая совсем девчонка, плохо стало, так что с ней пока говорить бесполезно.

– Лады, тогда давай, Петя, пока тут эксперты работают, мы с тобой по соседям пройдемся, может, что-нибудь интересное откопаем.

Мы вышли на лестничную площадку. Влажный воздух с улицы и шум дождя напомнили о больном зубе. Боль утихла, но не совсем, тягучее, ноющее присутствие мучительницы ощущалось, хотя была вполне терпимой.

– Петь, ты давай начни сверху квартиры обходить, а я отсюда.

– Хорошо, Андрей Игоревич, – сказал помощник и быстро, шагая через две ступеньки, стал подниматься по лестнице.

Я позвонил в металлическую дверь, с выпуклым глазком посередине – это была единственная дверь соседей потерпевших на площадке. Дверь тут же открылась, будто меня поджидали. На пороге стояла женщина лет семидесяти в атласном длинном халате, расшитом большими розовыми цветами. Короткая модная стрижка и аккуратный макияж говорили, что старушка не желала мириться с возрастом и всячески старалась удержать былую красоту. Она вопросительно смотрела на меня, будто ожидая чего-то.

– Здравствуйте! Кривенко Андрей Игоревич – следователь уголовного розыска, – представился я и протянул раскрытое удостоверение.

Хозяйка внимательно его рассмотрела, надев очки, которые висели на шее, на серебряной цепочке.

– Виалетта Маркеловна Бордовицына. Милости прошу! – сказала она, не по годам, твёрдым, уверенным голосом. Потом провела меня в изысканно обставленную комнату с множеством разных декоративных штучек. Они были расставлены и развешаны по шкафам, тумбочкам, столам и стенам, создавая в целом приятный уют. – Присаживайтесь! Чем могу быть полезна, Виктор Игоревич?

Я сел в удобное кресло возле огромного дивана, на который присела хозяйка.

– Виалетта, извините, забыл отчество?

– Маркеловна.

– Виалетта Маркеловна, я хотел бы узнать всё, что вы знаете о своих соседях по площадке.

– А что случилось?

– Понимаете, ваших соседей сегодня нашли мёртвыми в квартире, идёт следствие.

– Господи! – вскрикнула побледневшая женщина и, вскинув руками, прижала ладони к губам.

– Вам нехорошо? – испугался я.

– Не беспокойтесь, – поникшим голосом сказала хозяйка и заплакала.

– Я принесу вам воды, Виалетта Маркеловна, где у вас кухня?

– Там, – указав рукой, женщина разрыдалась.

Я быстро сходил на кухню, нашёл бокал и налил воды, когда я вернулся, Виалетта Маркеловна всё ещё вздрагивала от плача. Я дал ей бокал, она взяла его трясущимися руками и, выпив пару глотков, стала понемногу успокаиваться.

– Может позвать врача? – спросил я.

– Нет, нет, не беспокойтесь! – замахала руками хозяйка и стала вытирать слёзы кружевным платочком. – Так, что именно вы хотели узнать?

– В общем, мне всё интересно: что вы знаете о соседях, были ли у них враги, кто сегодня приходил к ним, если вы знаете, то это очень поможет следствию.

– Львовы были, – на этом слове она опять заплакала, но быстро успокоилась и продолжила, – Витя и Вика были замечательной парой, у них трое детей (уже взрослых), вот с детьми в последнее время что-то неладное творится, говорят, они все попали в какую-то страшную секту. Когда это случилось Вика и слегла, а Витя стал грознее тучи, ходит всё время насупившись, а ведь раньше был балагуром, без шутки мимо не пройдёт. Раньше мне при встрече всегда говорил: «Виалетта Маркеловна, вы всё хорошеете!». Он ведь был человек военный – полковник. Честно признаюсь вам, мне он очень нравился, как мужчина: красивый, высокий, мужественный, а когда форму одевал, то глаз не отвести, такой красавец. Вике повезло с мужем, она за ним, как за каменной стеной. Господи, да, как же это – их больше нет! Такая пара! Такая пара! – и женщина вновь расплакалась.

Я подождал, пока она успокоится, потом спросил:

– А что вы, Виалетта Маркеловна, о детях знаете?

– Когда Львовы сюда переехали, дети ещё в школе учились, поэтому они выросли на моих глазах. Славные детки были, хорошо воспитаны, Витя их держал в строгости, но очень любил, а Вика во всём помогала мужу, поэтому у них была славная семья, – при этих словах она опять всхлипнула и стала вытирать глаза платочком.

– Вы сказали что-то про секту?

– Да, это лет десять назад началось: Лизка – младшенькая их дочка первой попала в неё, потом Ромка с женой, а через пару лет после них и Эдик, говорят, туда угодил. Бедные Витя с Викой места себе не находили, а тут ещё и Витю с работы в отставку отправили, после этого он совсем сдал: ходил, как туча, улыбаться перестал, а тут ещё Вика заболела, когда у них внучка умерла, говорят всё из-за этой секты.

– Что вы имеете в виду?

– Они в аварию попали, Ромка с женой Криськой и внучка Львовых, стало быть, дочь этих сектантов, Леночкой её звали – чудо, а не ребёнок. Так вот, после аварии попали в реанимацию, родители в сознании, а Леночка сильно головой ударилась: машина, которая в них влетела, как раз туда, где Леночка сидела, много крови потеряла, так родители, из-за своей секты, не позволили ребёнку кровь переливать, пока судились, рядились с ними, Леночка померла. Виктор после этого проклял Романа, а Вика слегла, так бедная и не поправилась, – Виалетта Маркеловна вновь разрыдалась.

– Не буду вас больше утомлять вопросами, последний: а сегодня, кто-нибудь приходил к вашим соседям? – спросил я, когда она успокоилась.

– Часов в восемь утра Эдик (средний сын Львовых) приходил, я в магазин за хлебом собралась и ещё удивилась, его здесь лет пять точно не было, а тут появился, правда, когда я возвращалась, он уже уходил, хмурый был, как туча. А, буквально перед тем, как милиция понаехала, слесарь приходил, я слышала, как Витя кричал ему, что не вызывал никакого слесаря, а потом пустил его в дом, через полчаса он ушёл, я в окно видела.

– Любопытно! Спасибо вам за информацию, Виалетта Маркеловна! На днях мы вас вызовем к себе, чтобы записать ваши показания, вы нам очень помогли.

Я попрощался со старушкой и вышел на лестничную площадку, сверху слышались шаги спускающегося человека, я направился к лестнице.

– Андрей Игоревич, я уже всех обошёл, – Петя появился из-за поворота, немного напугав меня громким голосом, – Никто ничего не знает, как обычно: соседей не знаем, работа, дела, некогда знакомиться, дома бываем редко. Некоторые к Виалетте Маркеловне направляли: она, говорят, всё про всех знает. Судя по тому, сколько вы у неё пробыли – всё так и есть?

– Да, Виалетта Маркеловна очень сильно помогла следствию, – громко сказал я и приложил палец к губам, понимая, что всезнающая старушка сейчас внимательно слушает нас за дверью, – Пойдём тогда обратно, может с дочерью уже можно поговорить?

Мы вошли в квартиру и прошли на кухню обставленную гарнитуром из карельской берёзы. За столом возле окна сидела молодая женщина, лет двадцати пяти, волосы, выкрашенные двумя разными оттенками золотистого цвета, были аккуратно уложены, одета она была в деловой костюм из светло-серой ткани. Она сидела, облокотившись на стол и обхватив голову руками. Взглянув на девушку я подумал, что с виду нормальная девчонка, на монашку не похожа, может Виалетта Маркеловна сгустила краски про страшную секту.

– Елизавета Викторовна, можно задать вам пару вопросов? – осторожно спросил я.

– Да, пожалуйста! – подняв симпатичное личико, сказала девушка и стала вытирать платочком заплаканные глаза.

– Андрей Игоревич Кривенко – следователь уголовного розыска.

Девушка равнодушно посмотрела на протянутое удостоверение и приготовилась слушать.

– Скажите, пожалуйста, Елизавета Викторовна, вы первой увидели покойных?

– Да.

– Расскажите подробно, как это было?

– Вчера вечером я получила телеграмму от папы, вот она, – она достала из сумочки листок и протянула мне, там было написано: «Срочно приезжай маме очень плохо», – Первым же рейсом я из Нижнего сюда, а тут такое!

Девушка заплакала, уткнувшись в платочек. Подождав пока она успокоится, я спросил:

– Расскажите подробно, как это было, что вы увидели, когда зашли, не видели кого-нибудь, когда заходили в подъезд, может во дворе что-то странное или в квартире?

Подождав пока она успокоится, я спросил:

– Да нет вроде всё, как обычно, во дворе никого не видела, а дома: ... дверь была не заперта, я позвонила, никто не ответил, тогда я толкнула дверь, она открылась, папа всегда дверь закрывал и нас к этому приучал, вот это странным показалось.

– Вошли, что было потом?

– Я сказала, что приехала, мне никто не ответил, потом увидела в открытую дверь кабинета папу в кресле, испугалась, кажется, закричала, потом стала звонить в полицию, вот и всё.

– А Викторину Павловну тоже вы первой обнаружили?

– Да, я, когда позвонила, забежала к маме в спальню и поняла, что она тоже мертва, – девушка разрыдалась, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

Я попросил Петю позвать врача, когда тот пришёл, мы с помощником вышли из кухни. Беседа с дочерью убитого полковника ещё больше заставила меня усомниться в словах соседки о секте, спросить напрямую я не решился (время слишком не подходящее), по ходу следствия, думаю, всё выяснится. Вполне адекватная девушка, очень приятной наружности, да и ведёт себя вполне естественно: такое горе пережить, не дай Бог!

Мы зашли с Петей в просторную гостиную. Эксперты заканчивали работу, за большим круглым столом посередине комнаты сидел мой старый друг – Павлов Фёдор Кузьмич, крижистый мужик с черными, как смола волосами и щетинистыми усами. Он старательно заполнял протокол осмотра.

– Здорово, Федот! – хлопнув друга по плечу, громко сказал я, наклонившись к его уху.

– Фу, ты чёрт, напугал! – вздрогнул от неожиданности он, – С ума сошёл что ли? Так и зайкой можно сделать. Здорово!

– Что скажешь, Федот?

– В общем, ничего существенного, – по-деловому начал Павлов и я внимательно стал слушать, зная, что перебивать его не стоит, и что рано или поздно всё, что нужно он расскажет, – Пальчиков почти нет, всё протёрто; лишнее подтверждение, что это убийство, а не самоубийство, хотя это и ребёнку понятно. На кухне три бокала лежали в мойке, видимо из них пили чай, как ни странно, на всех трёх есть отпечатки. По сути, это единственная зацепка.

Смерть наступила часа три тому назад, когда мы приехали, трупы ещё тёплые были. Мужчина застрелен из своего же именного пистолета, а женщина, видимо, сначала отравлена или задушена, а потом сделан выстрел в рот. Вот, в общем, и всё пока, больше скажу после вскрытия и экспертизы.

– Спасибо, Федь! Как супруга поживает? Остыла после нашей последней рыбалки? Говорил тебе, Федот, не женись! Не послушался старого холостяка, теперь мучайся!

Павлов махнул рукой и стал опять писать протокол, потом вдруг что-то вспомнил и позвал меня:

– Слушай, Андрюха, чуть не забыл, здесь любопытная деталька: в шкафу, где книги стоят, в кабинете потерпевшего, одна толстая книжечка, на самом деле – маленький сейф, под книгу смастеренный; так вот, тайник пустой, хотя, на первый взгляд, там что-то лежало совсем недавно. После экспертизы скажу, может быть, что-то более конкретное. Похоже на ограбление.

– Спасибо, Федот! Это уже что-то!

Я вернулся на кухню. Доктор ушёл, Лиза сидела на прежнем месте, положив голову на руки.

– Елизавета Викторовна, извините за беспокойство, но очень нужна ваша помощь. Скажите, в доме ценности были?

– Я давно здесь не была, но знаю, что у папы в кабинете есть сейф в виде книги, там он обычно хранил деньги и свои бумаги.

– Спасибо! Я попрошу вас, Елизавета Викторовна из города пока не уезжать, вы нам ещё понадобятся, – сказав это, я вышел из кухни и зашёл в кабинет.

Тело Львова уже увезли. Следом зашёл Петя с блокнотом в руках, в который он постоянно что-то записывал (он так делал всегда). Первое время меня это сильно раздражало, но когда однажды, благодаря его записям, удалось раскрыть одно громкое дело, моё отношение к Петинному блокнотику сильно поменялось.

– Ну, что скажите, Холмс? – спросил я его.

– Убийство с целью ограбления. Убийца был знаком убитому, иначе не смог бы подойти так близко, чтобы выстрелить, да и оружие мог только знакомый заполучить, о тайнике знал, опять же!

– Молодец! Всё так, вот только ляп с правой рукой мне не понятен, если знакомый, то, как мог так опростоволоситься?

– Переволновался.

– Не смейся, Петя, такое убийство провернуть и такую улику из за волнения оставить, не смейся! Давай, дежурь дальше, а я домой, покумекаю об этом дельце, завтра после дежурства сразу ко мне, будем версии разрабатывать.

– А поспать после дежурства, Андрей Игоревич? – заскулил Петя.

– На том свете отоспишься, сейчас спецслужбы узнают, что их коллегу завалили, нам вообще спать не придётся, пока это дело не закроем!

Попрощавшись с коллегами, я вышел во двор. Сырой воздух пахнул в лицо, дождь звонко стучал по асфальту. Зуб опять дал о себе знать, я поморщился и побежал к своему Опелю. Сев в машину, нашёл таблетки в бардачке и выпил пару штук. Наконец-то интересное дело, будет чем заняться в ближайшую неделю, на сердце повеселело, ещё бы с зубом разобраться и тогда полный порядок. Решив с утра заскочить к стоматологу и вырвать его, я успокоился, завёл машину и поехал домой.

2. Версии

Я зашел в свою берлогу (так я называю свою однушку в типовой девятиэтажке, доставшуюся мне, как молодому специалисту, в далёкие восьмидесятые, а потом успешно приватизированную в девяностых), не ахти какие хоромы, конечно, но мне много и не надо: было бы где переночевать и просто побыть одному. У окна лежал так и не разобранный этюдник, я хотел его поставить, но, вдруг, вспомнил слова Виалетты Маркеловны о сантехнике и сразу же стал звонить помощнику. Как я мог забыть об этом? Всё из-за зуба, будь он неладен! В трубке послышался голос Пети:

– Слушаю, Андрей Игоревич.

– Петь, совсем забыл! Зуб достал, мозги напрочь отказали, соседка сказала, что прямо перед вашим приездом слесарь приходил. Проверь в домоуправлении действительно это так или это кто-то под слесаря сработал.

– Хорошо, Андрей Игоревич, всё сделаю.

Мысли о новом деле полностью завладели мной. Прокручивая в уме последние события, я машинально установил этюдник (все ножки прекрасно выдвигались, не такой, уж, он и старый!), прикрепил лист бумаги, завесил стул, стоящий возле шкафа, цветастым покрывалом, поставил на него кувшин, чайную чашку, положил рядом лимон и стал рисовать. Теперь ничто не мешало спокойно думать, я любил такие минуты.

Так что же произошло на улице Нахичеванской? Что мы имеем: благополучная семья, судя по обстановке в квартире – довольно зажиточная, наверняка есть определённый капиталец, короче, всё путём; с другой стороны – отставка, болезнь жены, возможный конфликт с детьми. В принципе, достаточно причин для самоубийства; только факты говорят, что кто-то

решил всем этим воспользоваться. Для чего? Здесь основная зацепка – обчищенный сейф, что там могло быть? Деньги, вряд ли там была большая сумма; деньги в банке хранят, а в сейфе так, на непредвиденные мелкие расходы. Скорее там хранились какие-нибудь бумаги, может акции? Вряд ли. Полковник ФСБ – бизнесмен? Вот компромат на кого-нибудь – это вполне возможно, завещание тоже вполне могло быть.

«Хорошо, будем плясать от печки, – думал я, вырисовывая кувшин на белом ватмане, – Если это элементарный грабёж, причем здесь слесарь? Почему убитый пустил его в дом, хотя не вызывал, и что он там полчаса делал, по сути, в момент убийства? Если это он убил, то должен хорошо знать и про сейф, и хозяину быть знакомым, и пистолетик уже при себе иметь... Стало быть, бывать у них раньше или же иметь сообщника из таковых.

А, что если папаня наследства просто деток лишил, ведь не зря, соседка про страшную секту всё твердила... Так вот, кто-то из них решил грохнуть папеньку, чтоб не шалил, и прибрать к рукам завещанице. Жутко, но в наше время, чего только не бывает!

А может это банальная месть, сработанная под ограбление? Там, где служил убитый, можно много врагов себе нажить. К тому же мужчина он был видный, может, соблазнил чью-нибудь жену, обиженный муженёк его и завалил. Такой вариант тоже нельзя опускать...» – подумал я и принялся вырисовывать чайную чашку.

Не стоит и наших коллег из спецслужб со счетов сбрасывать, уж очень замудрёно здесь всё. Хотя, ляп с левой рукой не в их стиле... А что если это специально сделано, чтобы под непрофессионала сработать и на ложный след вывести? Про эту версию лучше забыть, но всё возможно. Например, недовольный отставкой полковник стал шантажировать начальство каким-нибудь разоблачением, а они его по-тихому убрали, чем не вариант? Впрочем, будет видно по ходу следствия. Эти ребята, если рыльце в пушку, будут нам всячески «помогать».

Тем временем набросок натюрморта был готов, я открыл акварельные краски, налил в банку воды, взял кисть и стал прописывать основные цвета. Набросок версий тоже вырисовался, не терпелось начать работу над ними. Я отложил кисть и краски и опять позвонил Булкину.

– Всё выяснил, Андрей Игоревич. Действительно из квартиры Львовых поступала заявка, и слесарь там был: Попков Юрий Викторович. Он по нашей базе проходит, бывший медвежатник, ныне в завязке. Женат, двое детей; в последнее время никаких нареканий, на работе хвалят. Отправили наряд за ним, дома нет, жена говорит, как узнал про убийство Львовых, быстро собрался и куда-то ушёл, куда не сказал. Похоже, Андрей Игоревич, он их и порешил, надо в розыск подавать срочно.

– Крюгер – убийца!? Не может быть! Он же завязал!

– Какой Крюгер?

– Да, кличка у него такая была, лет пятнадцать назад это был знаменитый вор, а кличку получил за перчатку с отмычками на пальцах (умелец ещё тот был!); не могу поверить, чтобы Крюгер взялся за старое, да, ещё и на мокрое дело пошёл! Вор он был знатный, но не убийца.

– Времена меняются, Андрей Игоревич, видимо, припёрло... Может, задолжал кому-нибудь или фильмов насмотрелся про воров, сейчас часто показывают, вот ностальгия и замутила.

– Ты ещё скажи, что от скуки он двоих завалил.

– Тоже вариант.

– Ладно, мыслитель, срочно ориентировку на него, чтобы из города не выбрался, а завтра поднимем его старые связи и начнём искать.

Зуб опять дал о себе знать, резкая боль заставила забыть обо всём. Обезболивающее я оставил в машине, хорошо хоть не стал отгонять её в гараж, чтобы с утра сразу поехать на работу. Я взял зонтик и выбежал во двор. Дождь по-прежнему стучал по асфальту, вечерело,

вдоль дороги зажглись фонари. Мой старичок «Опель» стоял на стоянке, зажатый крутыми современными иномарками. Я открыл дверцу, достал таблетки и сразу выпил пару штук.

Возвращаясь домой, вдруг почувствовал страшную усталость и желание поспать, придя, быстро принял душ, почистил зубы и сразу же лёг на диван. Предыдущая бессонная ночь и насыщенный день сильно утомили меня, поэтому уснул я быстро и спал, как убитый.

Рано утром проснулся от ноющей зубной боли. Выпив таблетки, стал готовить завтрак. За окном восходящее солнце опалило плоские крыши многоэтажек, дождь закончился, чистый новый день звал в свои объятия. Сейчас к зубному и в управление, надо срочно искать сбежавшего слесаря.

Выбежав на улицу, я вдохнул свежий влажный воздух полной грудью и тут же скривился от боли: холод резанул по десне и ноющему зубу, в голове колокольным звоном отозвался его рассекающий удар. Скорее к стоматологу, я договорился по телефону с Левинсоном Мишей, моим старым приятелем, что забегу с утра к нему домой (он занимался частной практикой).

С Мишей мы познакомились ещё в восьмидесятых, я молодой лейтенант должен был провести опознание личности по останкам погибшего: на одной из дач в нашем районе была ночью перестрелка, соседи позвонили в участок. Пока мы приехали, дача уже сгорела. По нашим данным там жил местный авторитет – Утёсов Василий Васильевич, по кличке Утёс. Когда разгребли пепелище нашли труп мужчины, точнее то, что от него осталось. Погибшего, видимо, привязали к газовому баллону, а потом подожгли дом, пожар сделал своё дело: мужика разорвало в клочья, собирали по кусочкам. Нашли челюсть с пломбированным зубом, выяснили где Утёс зубы лечил и меня с челюстью в целлофановом пакете туда отправили. Там мы с Мишей и познакомились, он практику в поликлинике проходил. Я, когда обутленную челюсть из кулька достал, практикант со стула и рухнул в обморок. Помню, что старый врач, у которого он стажировался, сказал мне: «Ты, лейтенант, мне всех студентов распугаешь своим огрызком!». После осмотра старик подтвердил, что челюсть принадлежит Утёсову и попросил меня, чтобы Мишу быстрее в чувства привести после обморока, разрешить ему осмотреть мои зубы. Зубных я с детства не любил, поэтому стал отнекиваться и ссылаться на занятость, но потом согласился, уж очень настойчив был старичок. Пока практикант осматривал мои зубы, старик рассказывал анекдоты и давал советы студенту. Потом я всегда ходил в ту поликлинику лечить зубы, а Миша после института там работал. Незаметно мы сдружились и дружим до сих пор.

Не прошло и часа, как я уже вышел из шикарной квартиры Миши, и, сев в Опель, ехал в управление. Неприятные ощущения после лечения понемногу утихали, на душе становилось веселее. В приподнятом настроении я подъехал к управлению, быстро припарковался и бодрым шагом направился к входной двери. Поздоровавшись с дежурными, поднялся на второй этаж и зашел в наш кабинет. Казённая мебель, серые экраны допотопных мониторов словно встрепенулись, когда я вошёл. Мне нравилось бывать здесь, по сути, это был мой второй дом. Кроме моего стола и Петино, у стены напротив от меня, стоял стол Кузьмина Сергея – давнего друга, капитана полиции и опытного следователя, служившего в отделе уже не первый год. Сегодня с утра я попросил его навеститься к старшему сыну Львова, который жил с семьёй в нашем городе, недалеко от Серёгина дома.

Я сел за стол возле окна с видом на набережную. Утро разгоралось солнечным сиянием, обещая замечательный день, одинокие фигурки людей сновали туда-сюда вдоль кованной, узорчатой ограды. Река тёмно-синей гладью блестела солнечными зайчиками.

Вдруг зазвонил телефон на столе.

– Товарищ майор, здесь к вам посетитель просится, – чеканил голос дежурного.

– Какой посетитель? – недоумевал я.

– Попков Юрий Викторович. Говорит: по очень важному делу.

– Кто? – я ещё больше удивился, услышав фамилию Крюгера. – Сам пришёл, вот это номер! Проводи его ко мне.

Через пару минут в дверь постучали, потом она открылась, на пороге стоял лейтенант Кротов, он доложил, что доставил посетителя и указал на сухого, долговязого мужчину, лет пятидесяти, с морщинистым лицом, покрытым грубой двухдневной щетиной.

– Спасибо, Кротов! Можешь идти, – отпустил я лейтенанта и обратился к посетителю. – Ну, здравствуй, Крюгер!

– Здравствуйте, гражданин начальник!

– Что опять за старое взялся?

– Что вы, Андрей Игоревич, разве я сейчас к вам бы пришёл? Просто, когда услышал про Львовых, сразу сообразил, что это подстава и решил в бега податься, а потом остыл немного, про вас вспомнил. Я ведь не забыл, как вы мне тогда помогли, а могли же всех чертей на меня повесить... Ан нет, только то, что было доказано. Век не забуду, Андрей Игоревич! Вспомнил всё это и решил вас возле управления с утраца дожидаться.

– Ну что ж, рассказывай, раз пришёл.

– А что рассказывать? Когда я получил эту долбанную заявку к Львовым, ещё удивился: я ведь у них лично месяц назад всё поменял. Меня сам Осипыч подкальмить пригласил, не могло там ничего протечь. Удивился, но пошел, заявка есть заявка, знаете ли... А когда пришёл, он на меня палкана спустил, чуть ли не благим матом орёт, чего, мол, припёрся, я никого не вызывал, а потом успокоился и говорит, что кран ему не нравится, как открывается, иди, мол, посмотри, раз пришёл. Я и зашёл, дурачина! Кран посмотрел, чуть-чуть ослабил и всё, он мне ещё стольник отстегнул, насчёт бабосов он всегда щедрый был, не скупился. Вот и всё.

Я ухмыльнулся.

– А нет. Вот ещё, – он достал из кармана золотую цепочку и пару колец, – У себя в рабочей сумке нашёл после того, как узнал о смерти Львовых.

– Больше ничего подозрительного не заметил?

– Да нет, всё как обычно, единственное мне показалось, что Осипыч снулый какой-то, будто обкуренный был. Да, и еще... Мне странным показалось, что жена голоса из спальни не подавала, она обычно спрашивала у него, кто пришёл, и здоровалась, а этот раз молчала.

– Хорошо, Юрий Викторович, пока, до выяснения всех обстоятельств дела, посидите у нас, а там видно будет.

Когда его увели, в кабинет вошёл стройный мужчина, вылитый Аполлон, стильно одетый и благоухающий дорогим мужским парфюмом.

– Привет, Дон Жуан, что опять ночь жаркая была, очередная краля спать не давала. Смотри, Серёга, доведут тебя бабы до ручки!

– Привет, женоненавистник! Что завидуешь?

– Было бы чему.

– Завидуешь. Небось от тоски воешь в своей холостяцкой берлоге?

– Нет, сегодня от зубной боли в основном, – буркнул я, потому что слова Серёги задели за живое: порой, и правда, бывало до боли тоскливо без женского тепла. – Что у тебя там по Львовым?

– Да так ничего особенного. Мужик, как мужик, кстати, наш бывший коллега.

– Интересно!

– Да ты его должен знать: он замом начальника уголовного розыска в соседнем районе был.

– Роман Викторович Львов, Ромка, не может быть! То-то, я думаю: фамилия знакомая. Классный сыщик был, а потом вдруг исчез.

– Вот это, пожалуй, и самое интересное: ушёл в отставку по религиозным убеждениям.

– Да, ты чё! Львов в религию вдарился!

– Не просто в религию, а в нетрадиционную; он стал Свидетелем Иеговы, более того, ещё и жену свою туда затащил.

– Так вот оно что! Они все иеговистами стали.

– Кто они?

– Дети Львова.

– Не знаю, как все, а старший точно, он у них там даже вроде главного. Ещё выяснил от соседей, что дочь они свою из-за этой секты потеряли и что отец их проклял и лишил наследства.

– Вот это оборот! А ведь Роман вполне мог повернуть это дело и Крюгера подставить... Но этого просто не может быть! Не могу поверить, чтобы Ромка Львов стал бандитом! Что в мире делается? Куда катимся? Нет, не может такого быть!

Дверь в кабинет распахнулась, зашёл Булкин, он поздоровался и, смеясь, стал увлечённо говорить:

– Слушайте, мужики, какую хохму я только что видел. Часов в шесть утра вызвали нас по одному адресочку: мужик пьяный жену убивает. Приезжаем, а там хлюпик в трусах и майке и жена – центнер с гаком – на кухне к стулу его привязала, а тот орёт благим матом на весь дом: «Убью заразу!». Вот соседи полицию и вызвали. Так это ещё не всё, мужики! – затараторил Петя, видя, что история не очень нас развеселила. – Когда мы хлюпика отвязали, он стал жизнь свою проклинать и кричать, что надоело так жить и всё такое, потом вскочил на подоконник, раскрыв окно и выпрыгнул, руки распластал, как Бетман, мордой об асфальт так и шмякнулся.

Мы с Серёгой переглянулись, не понимая, что с нашим сотоварищем, что он так веселиться от этой истории.

– И что насмерть? – спросил я.

– Какой насмерть! В том весь и прикол: бедолага с перепою забыл, что уже неделю новоселье празднует. Это раньше они на восьмом этаже жили, а теперь на первом. Короче, нос себе расквасил и лицо об асфальт всё свёз, теперь в больнице под присмотром врачей и полиции. Пятнадцать суток за хулиганство схлопотал. Может из запоя хоть выйдет.

Посмеявшись, мы взялись за дело: каждый высказал свои соображения, наметили план работы над версиями. Решили, что Петя займётся сбором сведений о погибших, Серёга – детьми потерпевших, а я – слесарем. Внутреннее чувство подсказывало мне, что Крюгер не виновен, но факты говорили обратное.

После совещания, когда помощники умчались выполнять полученные задания, я решил немного подумать. В управлении это сделать невозможно (постоянно кто-нибудь отвлекает), поэтому я пошёл в ближайший парк. Там был пруд, заросший жёлтыми кувшинками, на берегу которого в одном укромном уголке, под раскидистой ивой стояла скамейка. Я всегда уходил сюда, если надо было покумекать над заковыристым делом. Приглушённый шум города, влажный воздух с запахом тины, кваканье лягушек и щебетание птиц – всё это располагало к размышлению.

Как обычно я решил разложить всё по полочкам. Что против Крюгера: во-первых, время и место; во-вторых, вещественные доказательства; в-третьих, его преступное прошлое. Короче, достаточно, чтобы впаять ему по полной.

А что за него: моя интуиция и его рассказ. Не густо. Ну, ещё то, что раньше он никого не убивал – так времена меняются, и люди тоже.

Почему я так уверен, что его рассказ правда? Я не мог ответить на этот вопрос, но моя уверенность от этого не ослабевала.

Хорошо, будем плясать от печки: допустим, я хочу подставить бывшего рецидивиста. Для этого я должен знать его прошлое и нынешнее положение, график работы, чтобы всё спланировать, вызвать в нужное время. Это единственная зацепка и возможность выйти на настоящего убийцу. Итак, надо искать того, кто вызвал слесаря.

После обеда был запланирован обыск в доме и гараже Крюгера, поэтому я решил заглянуть в домоуправление и узнать всё, что можно о заказчике.

Через полчаса мой старичок «Опель», продравшись сквозь городские пробки, доставил меня в нужное место. Коридоры домоуправления блистали только что сделанным евроремонтом, как бы напоминая пришедшим жильцам, что их денежки в надёжных руках, и если они будут платить вовремя за свои квартиры, в их домах коридоры будут такими же красивыми. Узнав у секретаря, кто может мне помочь, я оказался в кабинете главного техника.

Это была женщина лет сорока, довольно привлекательной наружности, в облегающей розовой кофточке и коротенькой юбочке. Увидев меня, она всем своим видом показала, что на посетителей у неё хроническая аллергия, а когда я представился и показал удостоверение, лицо её и подавно приняло вид бультерьера, готового вступить в смертельную схватку.

– Мне сказали, что вы, Анна Алексеевна, можете помочь мне узнать, кто вызывал сантехника в воскресенье по адресу Нахичеванская 105, квартира 10.

– Так вы не из-за горячей воды?

Когда она поняла, что я не просить и не жаловаться пришёл, то её вид бультерьера преобразился в образ милой болонки.

– Вообще-то мы по воскресеньям не работаем, но в эти выходные, действительно, была моя очередь дежурить в аварийной службе, я помню этот вызов, как вы говорите? Нахичеванская 105 -10? Да, точно. – она полистала журнал и нашла нужную запись. – Вот в девять часов утра поступил запрос на сантехника, прорыв трубы на кухне, я сразу же направила туда Попкова (он у них эти трубы устанавливал). Тот сразу выехал, они бонусы за каждый такой вызов получают, поэтому сейчас оперативно работают. Через час Попков вернулся, Юра всегда хорошо делает свою работу, я ещё удивилась, когда узнала, что его трубы прорвались.

– Скажите, Анна Алексеевна, в голосе заказчика не было чего-нибудь запоминающегося?

– Запоминающегося? Да вроде, голос, как голос: приятный голос зрелого мужчины. Хотя нет, было – картавил он слегка, я ещё подумала, что прямо, как Ленин говорит. Даже когда Юру отправляла, пошутила, что Смольный вызывает, сам Владимир Ильич позвонил.

– Спасибо вам, Анна Алексеевна, за полезные сведения!

Когда я вышел из домоуправления, жара и духота после вчерашнего дождя, приняли в липкие объятия. День набирал силу. Я решил вернуться в управление и узнать, что нового у экспертов, заодно оформить документы на обыск.

Муромцев Иван Павлович, наш патологоанатом, встретил меня хмурым взглядом из под широких, лохматых бровей а-ля Брежнев.

– Привет, Палыч! Чем порадуешь?

– Вам бы только радоваться, – буркнул старичок. Палыч уже не первый год на пенсии, но без дела сидеть не может, поэтому остался на службе, благо таких спецов ещё поискать надо.

– А что нам молодым и неженатым грустить?

– В общем, ничего нового я тебе не скажу. Смерть наступила в районе 10 часов, женщина умерла от яда, а мужчина от выстрела в голову, хотя тоже был отравлен, но доза поменьше, поэтому был ещё жив, когда в него стреляли.

– Что за яд?

– Судя по действию, довольно редкий. Знаю, что спец. службы таким пользуются. У экспертов спроси, они точно скажут.

– Ещё что-нибудь интересное есть?

– Нет, я же говорю, что без вскрытия можно было догадаться, что и как, так что давай катись отсюда, не мешай работать, у меня ещё три трупа дожидаются.

– Спасибо, Палыч!

Из морга я зашёл к экспертам. Павлов отдыхал после дежурства, в кабинете сидела только Шуручка – высокая брюнетка, с орлиным носом и большими карими глазами. Белый короткий

халат обтягивал красивую фигуру и выставлял на показ длинные стройные ноги. Она приветливо улыбнулась и кокетливо спросила:

– Андрей Игоревич, уж, не по мне ли вы соскучились, что лично заглянули в нашу скромную обитель?

– Конечно, Шурочка, разве от вас что-то скроешь!

– Ай, ай, яй, Андрей Игоревич, не хорошо девушку обманывать, вы ведь по вчерашнему убийству ко мне пожаловали.

– Я же говорю, Шурочка, что от вас ничего не скроешь.

– Вот отчёт. Пальчики на бокалах Львовых и ещё третьего, яд был в двух бокалах из трёх, так что выводы делайте сами.

– Значит, третий и есть отравитель.

– И, как вы об этом догадались, – опять игриво сказала Шурочка, а потом серьёзно продолжила, – в сейфе лежали какие-то документы, возможно деньги и что-то ещё золотое, потому как есть частицы и этого благородного металла. Причём, могу сказать точно, что золото лежало там давно, да и бумаги достали из сейфа, как минимум неделю тому назад.

– Откуда такая уверенность, Шурочка?

– Пыль, уважаемый Андрей Игоревич, есть везде, и у неё есть дурная привычка – оседать, так вот в сейфе неделю, как минимум, её не вытирали.

– Значит, Крюгера действительно подставили, – подумал я вслух, а потом обнял и поцеловал ошарашенную такой выходкой Шурочку. – Спасибо, родная, ты меня порадовала!

– А уж как вы меня порадовали, Андрей Игоревич! – придя в себя, опять кокетливо сказала девушка.

После экспертов я уже не сомневался в невиновности Крюгера, надо было это только доказать. К вечеру, проведя обыск, мы нашли кое-какие бумаги и пачку долларов в какой-то жестянке, на одном из стеллажей гаража. Эксперты подтвердили, что эти бумаги и деньги из сейфа и лежат в гараже не меньше недели. Круг замкнулся: кто-то делал всё возможное, чтобы свалить убийство на Крюгера, но убийца не учёл, что неделю назад слесарь Попков Юрий Викторович отдыхал с семьёй в солнечном Адлере, и знать не знал, что в его гараже делается. Попкова можно было отпускать, но мы решили попросить его нам посодействовать и остаться на пару дней в управлении, чтобы не спугнуть настоящего убийцу.

3. Семья Романа

Домой я приехал поздно. Солнце уже спряталось за спины серых многоэтажек, зажглись фонари, и длинные тени растянулись на асфальте, как спящие коты. День был долгим, я немного устал и решил, что сразу после ужина, дописывая натюрморт, еще раз обмозгую все не спеша.

После того как версия о сантехнике накрылась медным тазом, хотя с самого начала я предчувствовал, что так и будет, я стал думать о старшем сыне Львова. Неужели Роман стал преступником?

Вчерашний натюрморт был почти готов, осталось прописать детали. Я сел за мольберт и стал вглядываться в нарисованное, сравнивая это с тем, что стояло на стуле возле шкафа. Затем взял кисть и, обмакнув в банку с водой, стал размешивать краски.

Так, что мы имеем против Романа? Во-первых, он знает Крюгера, знает, кем тот был раньше. Во-вторых, Рома – бывший мент, и знает наши методы работы. В-третьих, он сын убитых, стало быть, был вхож в дом и мог всё легко подстроить. И, наконец, у него был мотив: лишение наследства. Вполне достаточно для возбуждения уголовного дела, однако это лишь косвенные улики. Конкретного ничего пока нет. Надо будет взять ордер на обыск, может, найдём какую-нибудь улику. Хотя это вряд ли. Но попробовать стоит.

Тем временем мой натюрморт был готов, я ещё несколько раз полюбовался делом рук своих и стал собирать этюдник. За окном сияли фонари, словно светлячки, и ночной город отдыхал от дневной суеты и многообразия красок.

Мне не спалось. В голове роились мысли вокруг этого странного дела, возвращая к событиям вчерашнего дня. Слова Маркеловны о страшной секте и Сергея о том, что Львов стал еговистом, заставили задуматься о религии.

Я с детства воспитывался, как атеист, поэтому мысли о Боге меня бесили; что-то в них было старое, заплесневелое и безграмотное. Не понимал я людей, веривших в эту чушь о любящем Создателе, как в это можно верить образованному человеку, глядя на то, что творится вокруг. Каждый день сталкиваясь с человеческой жестокостью, жадностью и изощрённостью, я считал, что Бога нет или, если и есть Создатель, он просто холодный разум лишённый всяких чувств.

О еговистах я впервые услышал ещё в детдоме. Был у нас там один мальчишка из такой семьи; родителей отправили в колонию за агитацию, а его – к нам. Помню, мне порой его было жаль: все издевались над ним, дразнили, часто устраивали тёмную, а он поплачет и дальше верит в своего Бога. Один случай особенно запомнился.

Было это на уроке пения. Мы разучивали новую песню к новогоднему празднику, а Лёха (так его звали) отказывался её петь. Учителем по пению у нас был бывший старшина военного оркестра. Все у нас его дразнили Костылем, потому что он ходил с протезом: ему на фронте ногу взрывом оторвало. Мужик он был строгий, чуть что не так, мог так по башке указкой зарядить, что искры из глаз летели. Так вот, Лёшка ему: «Не буду петь про Деда Мороза, давайте я другую песню выучу про зиму». Тот, естественно, на дыбы: «А я говорю: будешь!» Лёха ни в какую, тогда Костыль схватил его за ухо и выволок из класса. Потом мы узнали, что он заставил сектанта зубной щёткой туалет чистить, но петь Лёха про Деда Мороза так и не стал.

После этого случая мы Лёху зауважали и стали меньше его доставать из-за веры, да и парнем он оказался неплохим. Жаль, что родители втемяшили ему в башку эту дурь о Боге! Что с ним потом стало, я не знаю, кажется, в тюрьму попал за отказ служить в армии.

Ладно, это пацан, но Ромка-то как в эту секту угодил? Не понимаю. Умнейший мужик, таких сыскарей, как он, раз, два и обчёлся. Может, крыша поехала, тогда он вполне мог это дельце состряпать, с его умом и опытом это раз плюнуть.

Так за думами я и уснул под утро. Будильник разбудил меня ровно в шесть. За окном уже рассвело, озорные солнечные зайчики вовсю скакали по занавескам и потолку. Быстро позавтракав, я поехал в управление. Через полчаса я уже шёл по коридору нашей конторы и думал о Львове, неожиданный оклик прервал мои мысли.

– Андрей Игоревич, зайдите к нам, пожалуйста! – Шурочка стояла возле открытой двери в лабораторию экспертов.

– Шурочка, неужели я дожид до этого дня? – игриво воскликнул я.

– До какого? – удивлённо заморгала Шурочка накрашенными ресницами.

– Как до какого? До светлого и долгожданного: самая красивая женщина нашего унылого заведения приглашает меня на аудиенцию!

– Вынуждена вас огорчить, Андрей Игоревич, это Фёдр Кузьмич вас приглашает, он услышал ваш голос в коридоре и попросил меня позвать вас.

– Вы разбили моё сердце, – театрально сказал я и вошёл в кабинет.

– Здорово, Андрюха! – пробасил Федот, когда я протянул ему руку. – Не знаю, поможет это твоему делу или нет, но предсмертная записка была напечатана заранее и не на хозяйском принтере, а на чьём-то ещё. У Львова струйник стоит, а эту на лазерном печатали. И вот ещё что. Смотри, на обратной стороне какой-то стишок напечатан. Сам решай, касается он дела или нет. На копию записки и стишка.

Я взял протянутый листок и прочитал:

– Месяц ехать до вокзала,
там квартира тайной стала,
так и этак поверни,
душу грешную спаси.

– Что за хрень? Странно, заранее пишут записку и не смотрят, что на ней с другой стороны? А принтер хоть тот же?

– Нет. Этот стишок на струйнике отпечатан, причём почти со стопроцентной уверенностью могу сказать, что это принтер из кабинета убитого. Возможно, убийца хотел создать вид спонтанности. Решил старик застрелиться, схватил первый пропавший под руку листок.

– Возможно, ты прав, Федот. Получается, убитый должен писать стихи, и об этом должны многие знать. По крайней мере, тот, кто его убил, знал точно. Спасибо, Федот, твоя дотошность опять очень помогла. Про другой принтер – это очень важная деталь!

Выйдя из лаборатории, я прошёл по лестнице на второй этаж в свой кабинет. Серёга уже грел чайник и резал колбасу для бутерброда (он часто завтракал в кабинете), Петя сидел за своим столом и перебирал какие-то бумаги.

– Что, Серёга, сегодня тебя опять выперли без завтрака, либо муж очередной пассии неожиданно из командировки вернулся? – сказал я, переглянувшись с Петей. Мы заулыбались.

– Смейтесь, смейтесь, бисовы диты! – буркнул Кузьмин и, откусив смачный кусок бутерброда, стал аппетитно жевать.

– Здорово, Дон Жуан! Смотри, когда-нибудь в одних трусах в управление прибежишь, говорю тебе: доведут тебя твои бабы! – мы поздоровались, потом я подошёл к Пете и поздоровался с ним.

– Здравствуйте, Андрей Игоревич! – Петя отложил бумаги, достал свой блокнот и оживлённо затараторил. – Знаете, оказывается, убитый был крутым мужиком. Во-первых, полковник ФСБ, уже о чём-то говорит! Я в их конторе справлялся, говорят, специалист высочайшего класса. Тогда почему уволили, спрашиваю, мнутса, мол, сам попросился на пенсию, устал, здоровье стало подводить. Я узнавал, со здоровьем полный порядок. И к тому же его знакомые говорят, что он сильно расстраивался из-за увольнения. Во-вторых, герой. Участвовал в Афганской и Чеченской кампаниях и везде получал правительственные награды (опять же, именно оружие от командования). И, в-третьих, он ещё и поэт – две книжки со стихами выпустил (не в моём вкусе, но так ничего).

– Спасибо, Холмс, про стишки – очень кстати, а что про жену накопал?

– Тоже не без талантов женщина, когда-то была подающей большие надежды пианисткой, закончила консерваторию с отличием, но, когда вышла замуж и забеременела, всё оставила и стала домохозяйкой. Года два назад у неё обнаружили рак, много лечилась, но ничего не помогало. Если бы не убийство, то через пару недель сама бы умерла, по словам врачей.

– А у тебя, Дон Жуан, что по Львовым младшим?

– Да, в общем, ничего особенного, – жуя бутерброд и запивая его чаем, сказал Сергей.

– Совсем ничего? Расскажи хоть это ничего.

– То, что было до ухода из органов, рассказывать не буду: ты лучше меня знаешь, а вот после – большие перемены у него. Я уже говорил о секте, так вот, в девяносто пятом Львов крестился у них, потом – его жена, через два года дочь умерла после аварии. Кстати, жена у него – красавица, бывшая певица, из богатой семьи, дочь известного стоматолога. Короче, упакована по высшему разряду, мечта поэта! Львов знал, кого в жёны брать, говорят, это его папенька его за неё сосватал.

Сейчас Львов – активный еговист, ходит по домам и агитирует, посещает сходки в их церкви, они ее называют «зал царства». Более того, по словам единоверцев, он у них старейшина и пионер – это особые титулы у еговистов. Короче, выбился в начальство наш бывший коллега в своей секте. Жена – тоже пионер, точнее, пионерка. Соседи говорят, что они часто

уезжают на неделю из дома, а бывает, что и по полгода их не бывает. Как я узнал, это связано с их религиозной деятельностью, совершающие говорят, что они в каком-то «разъездном служении» задействованы. Что это за дела такие, пока не знаю.

– Что насчёт завещания?

– Львов не скрывает, что знает о завещании и о том, что отец лишил их всего. Говорит, что понимает отца и претензий к нему не имеет. Работает он в строительной фирме, зарабатывает неплохо, говорит, им с женой хватает.

– Что про других детей узнал?

– Средний сын – бывший военный лётчик, имеет боевые награды за Чечню. Живёт в Ростове-на-Дону. Тоже неожиданно оставил службу в начале двухтысячного, в личном деле написано, что по состоянию здоровья. В том же году стал еговистом, сейчас тоже старейшина и пионер. В настоящее время находится в Германии, как сообщили коллеги из Ростова, на конгрессе Свидетелей Иеговы, обещал вернуться через неделю. Кстати, в воскресенье был здесь в Москве.

– Так он на похоронах родителей не будет что ли?

– Какие похороны? Бог с вами, Андрей Игоревич! – воскликнул театрально Сергей. – Он же еговист! Они своих не хоронят, а ты хочешь, чтобы он приехал православных родителей хоронить. Как же, не дождёсь!

– Мрак какой-то, – нахмурился я. – Ладно, что там по дочери?

– Елизавета Викторовна – аппетитная дамочка! Красавица, спортсменка (мастер спорта по стрельбе из пистолета), активистка у себя в секте (тоже пионер), причём, она самая первая из детей Львовых в секту вступила, ещё в девяносто втором. Живёт в Нижнем, сейчас здесь.

– Спасибо за информацию! Теперь давайте распределимся. Поскольку, версия сантехника лопнула, займёмся Львовыми вплотную. Я с Ромой поработаю, моим давним товарищем. Ты, Петя, дочь, а ты, Серёга, лётчиком.

– А можно мне дочь? – взмолился Сергей, подскочив со стула.

– Что монашку захотел попробовать? – засмеялся я. – Ладно, тогда ты, Петя, за лётчика возьми. Если это дело Рома провернул, ему нужны сообщники. А кто как не родные, да ещё и однопартийцы, и товарищи по несчастью?!

Обсудив детали дальнейшей работы, мы разбежались выполнять намеченное. Я взял номер телефона Львова у Серёги и тут же позвонил. Мы договорились встретиться через час у него на работе.

Я подъехал к новой многоэтажке, построенной на месте снесённого аварийного барака, известного, как притон бомжей и наркоманов. Новый дом ласкал взор и обнадеживал сердце, что больше не придётся выезжать сюда, чтобы выяснять, чей труп здесь обнаружили.

Поднявшись на восьмой этаж, я нашёл нужную квартиру и позвонил. Дверь открыл сам Львов. Он стоял на пороге в рабочем комбинезоне и белой бандане на голове. Внешне Роман почти не изменился, хотя прошло уже более десяти лет с нашей последней встречи. Он добродушно улыбнулся.

– Здравствуй, Андрюха! – воскликнул он, протянул обе руки, словно желая обнять меня.

Я тоже был рад его видеть, но внешне постарался этого не показывать, поэтому сдержанно поздоровался и прошёл в квартиру. Ремонт шёл полным ходом, мебели не было, вокруг лежали рулоны обоев, стояли банки, тазики, ведра, возле стены стремянка. Мы прошли на кухню: здесь ремонт был уже закончен; она радовала глаз приятной новизной и необычностью ажурных арок над головой.

– Твоя работа? – спросил я, указывая на потолок.

– Да, – ответил Роман, понявший по моей холодности, что за ней кроется.

– Я так понимаю, ты уже в курсе о ходе дела? Прими мои соболезнования по поводу смерти твоих родителей.

– Спасибо! О деле знаю, но не очень много. Меня не пустили в квартиру.

– Что думаешь об этом? – спросил я, присев на стул возле окна.

– Думаю, что кто-то разыграл спектакль, чтобы подставить невиновных под раздачу.

– Не буду юлить, как уж на сковородке, ты знаешь, я этого не люблю. Я ценю тебя, как отличного сыскаря, но теперь ты не с нами, и у меня есть веские причины считать, что этот спектакль разыграл ты.

– Ну, что ж, спасибо за откровенность! Раз ты так считаешь, значит, дело очень серьёзное, я готов отвечать на твои вопросы, – он сел на стул с другой стороны стола, который стоял здесь же у окна и внимательно посмотрел на меня. Я хорошо помнил его пронизательный взгляд, который, казалось, сканировал до самого нутра, да так, что холодная дрожь пробежала по спине. Но сейчас его взгляд был другим, сочувствующим и добрым. Поймав его, я отвёл глаза в сторону и спросил:

– А что лично ты знаешь по этому поводу?

– Я мало знаю: на месте преступления не был, отца вообще давно не видел и не общался с ним, правда, месяц назад он собрал нас всех, чтобы зачитать своё завещание, а потом выгнал. Так что по тому, что мне известно, очень похоже на работу спецслужб. Лично я эту версию одной из основных рассматривал бы, ведь не случайно он из органов ушёл, по идее, генерала должен был получить, а нет, в отставку отправили.

– А почему ушёл, случайно не знаешь?

– Мама говорила, что не сошёлся с новым начальством политическими взглядами. Он ведь был коммунистом до мозга костей, опять же путч поддерживал.

– Ладно, эту версию мы тоже рассматриваем, но сейчас меня больше ты интересуешь. Расскажи, как ты в секту попал?

– Какую секту?

– Не прикидывайся, я о еговистах говорю.

– И таких не знаю, а, если ты о Свидетелях Иеговы, то с превеликим удовольствием расскажу.

– Этого я и хочу.

– Со Свидетелями я впервые столкнулся, когда Лиза с ними изучать Библию стала (отец попросил меня помочь ей от них избавиться). Уже тогда они поразили меня своей добропорядочностью и законопослушанием, ведь отец просил пересажать их всех, а оказалось, сажать их не за что. Я ещё тогда удивился, почему про них столько гадостей говорят, а, по сути, нормальные люди, все бы такими были, милиция без работы осталась бы. В учения я их особо не вникал, да и в Бога я тогда не верил. Лиза бросила университет (она в МГУ училась) и укатила на Алтай проповедовать, я оставил Свидетелей в покое, но один случай заставил меня к ним вернуться. Помнишь Глыбу?

– Какого Глыбу? Того, что в девяностых в своих лапах самые злачные места держал? Как же его не помнить, ты ведь его в места не столь отдалённые отправил, кстати, как тебе это удалось? Ведь к нему было не подступиться: хитрый гад был, ничего сам не делал и следы подчищал так, что не подкопаешься, даже в депутаты чуть не пролез.

– Вот, вот, когда я это узнал, решил, что пока он депутатскую неприкосновенность не получил, посадить его хоть на пяток лет. Добился ордера на обыск его офиса, поддержкой его соперника по выборам заручился и наркотики ему при обыске подбросил. Так вот с этого Глыбы всё и началось. Он ведь на суде поклялся меня и мою семью порешить, когда на свободу выйдет. Пришлось мне внимательно следить за тем, как его заключение протекает. Года через полтора мне из колонии сообщили, что Глыба стал Свидетелем Иеговы и готовится к досрочному освобождению за примерное поведение. Я, естественно, заволновался, стал выпытывать

подробности. Мне говорят, что этого бандита просто не узнать, другой человек, курить бросил, не чиферит, работает усердно, даже материться перестал! Конечно, я в это не поверил, поехал в колонию и лично убедился. Тогда я и решил серьёзно изучить то, чему учат Свидетели Иеговы. Что это за учение такое, думал я, которое из изверга человека делает? Пошёл в ближайший ДК, где Свидетели свои встречи проводили и попросил об изучении Библии, через год я крестился, а ещё через полгода Глеб (так Глыбу зовут) досрочно освобоёлся, при встрече мы обнялись с ним как старые знакомые и дружим с тех пор. Фирма, в которой я сейчас работаю, ему принадлежит.

– Понятно, – сказал я, а про себя подумал, что в такой компании можно кого угодно завалить, в чудеса я не верил. – Теперь классический вопрос, где ты был во время убийства?

– Сначала скажи, когда оно точно было?

– Около десяти часов.

– В это время я стоял на стенде с литературой возле вокзала. Это новый вид служения. Идём навстречу пожеланиям трудящихся. Чтобы не приставать к людям с разговорами, теперь стоим и ждём, когда они к нам пристанут. Так что нас с женой многие там видели, можешь у дежурных полицейских спросить, Буткова Ваню помнишь, из нашего отдела? Его смена была, мы с ним немного побеседовали, он должен помнить.

Я не подал виду, что давно уже через Серёгу всё проверил, и спросил:

– А неделю назад ты был в квартире родителей?

– Нет, я же тебе говорил, что месяц у родителей не был.

– Ты знал, что Крюгер работает в домоуправлении, где дом твоего отца.

– Да, знал. Он у меня сантехнику менял, я с ним до сих пор Библию изучаю.

– Случайно не знаешь, кто его рекомендовал твоему отцу?

– Знаю. Я его рекомендовал, не ему, правда, со мной он не общался, маме. С мамой я часто созванивался. Как-то она пожаловалась, что трубы уже старые, менять пора, а отец не хочет этим заниматься, вот я ей и дал телефон Юры Попкова.

– А кто его в день убийства вызвал, не знаешь? Диспетчер сказала, что вызывавший картавил, уж, очень на вас похоже, Роман Викторович.

– Я и вызвал. Мама утром позвонила, говорит, трубы подтекли, я в аварийку и позвонил, а то, что там Попков дежурил, я не знал.

– Понятно, – сказал я. Картина преступления стала в моей голове обрастать деталями. Странно, почему только он ведёт себя так глупо, по сути, роет сам себе яму? Не может быть, что это не он. А может, рассчитывает, что я так и подумаю, тогда он великий артист. – Скажите, Роман Викторович, а в квартире и гараже Крюгера, точнее гражданина Попкова, вы бывали?

– Да бывал, я же говорю, что Библию с ним изучаю, обычно у него дома на кухне, когда жены дома нет (она у него рьяная православная и против этого изучения), а когда она дома, то в гараже пару раз встречались. Вы, Андрей Игоревич, всё-таки решили, что это моя работа? Ну, что ж, вполне логичное заключение, только все улики косвенные. Очень надеюсь, что вы докопаетесь до истины, а не спишите всё на меня, – он с какой-то тоской в голосе сказал это и глубоко вздохнул. – В Библии есть такие слова: «Во всём поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами». Я всегда считал тебя, Андрей, порядочным человеком, живущим по этому правилу, и очень надеюсь, что ты не изменился.

Он встал и спокойно сказал:

– У вас больше нет вопросов? Извините, но мне работать надо.

Мы официально попрощались. Я вышел из квартиры с двояким чувством: с одной стороны, я был уверен, что это дело провернул Роман, а с другой, что-то глубоко в сердце твердило, что не мог он этого сделать. Продолжая думать об этом, я спустился во двор, сел в машину и поехал в управление.

По дороге я решил встретиться с Профессором, так звали моего осведомителя. Созво-
нившись с ним, я подъехал к небольшому кафе на углу улицы возле городского парка, оста-
вил машину на стоянке и зашёл внутрь. Уютный зал был пуст, я прошёл к столику в углу,
сел и заказал обед на двоих. Через несколько минут в кафе зашёл худой пожилой мужчина
в потёртом сером костюме, чистая рубашка была не глажена, а на голове у него была фетровая
шляпа с засаленными краями.

– Здравствуй, Андрей Игоревич! – сказал вошедший, сняв по пути шляпу, и, слегка
поклонившись, прижал её к груди.

– Здравствуй, Профессор! – ответил я и предложил присесть и отобедать, зная, что сам
он никогда не сядет без приглашения.

Аркадий Павлович Мяусов – полное имя этого человека, бывшего лектора культпросвета
(отсюда и кличка), но после падения СССР оставшегося без работы, спившегося, выгнанного
из дома женой и уже долгие годы живущего в подвале местной кочегарки при городской бане.
Профессор был интеллигентным бомжом: мог поддержать любой разговор, был очень эруди-
рован, следил за своим внешним видом и регулярно мылся в бане. Мы с ним познакомились
давно, он часто помогал в различных делах, так как был в курсе почти всех дел происходящих
в нашем районе. Пил он по-прежнему, но тоже интеллигентно, каждый день, но по чуть-чуть,
как он любил говорить.

– Скажи, Профессор, что ты знаешь о Глыбе? – спросил я его, когда он уселся и, заткнув
салфетку за ворот рубашки, принялся хлебать щи.

– Это бывший пахан, который святым стал?

– Что значит святым?

– А то и значит, уважаемый Андрей Игоревич, – энергично заговорил он, усердно жуя
хлеб и прихлёбывая из ложки. – После отсидки он вернулся другим человеком, говорят, был
бандюком ещё тем, а пришёл овца овцой. Он в тюрьме еговистом стал. Я про эту секту в своё
время столько лекций прочитал, что знаю их, как облупленных.

– И, что же ты знаешь?

– Американская тоталитарная секта, держит своих адептов под строгим контролем:
не разрешают им переливать кровь, строить семью с инакомыслящих, служить в армии.
Кроме того они полностью переписали Библию под себя и исказили все христианские учения.
В последнее время их развелось очень много и у нас в городе, люблю с ними поспорить, наив-
ные люди, верят во всякий бред!

– А на сходках у них бывал?

– Да, ваши коллеги из КГБ просили. Так ничего особенного: сидят Библию читают, свои
журналы, песни поют и все, как попугаи, одно и тоже тараторят. Я даже на их конгрессе был.
Народу тьма! Все чистенькие, культурные, какие-то чужие, не русские! Я хотел на бутылоч-
ках там подзаработать, ведь народу полный стадион, так где там! Даже фантиков после себя
не оставили! Крохоборы! Чистота после них, словно саранча прошла. Я же говорю: не наши
они, не русские. То ли дело, когда футбол: и пивком угостят, и сигареткой, и речь привычная,
родная, православная.

– Понятно. Так, что Глыба завязал?

– Совсем завязал. Вы не поверите, уважаемый Андрей Игоревич, строителем стал, точнее
фирму открыл по ремонту квартир, говорят, одна из лучших в нашем районе. Конечно, может,
это только прикрытие, но ничего не слышал. Это ему, скорее всего, всё-таки сектанты голову
заморочили.

– А про бывшего следователя Львова Романа Викторовича, что тебе известно?

– Про Романа Викторовича ничего, знаю, что ушёл из органов и пропал.

– Что говорят об убийстве его отца и матери по улице Нахичеваньской?

– Так полковник ФСБ – это его отец, получается, ... Роман Викторович тоже в секту попал. Говорят, что дети сектанты родителей из-за наследства порешили, а Крюгера, помните ведь его? Так вот, его подставили.

– Хорошо, спасибо за информацию! Вот деньги, как поешь, расплатишься, а я побежал дальше. Если что-нибудь узнаешь, звони!

– Хорошо, уважаемый Андрей Игоревич, только вы мне киньте полтинничек на ваш телефончик, а то он без денег не звонит.

– Ладно, сейчас положу, – сказав это, я быстро встал и вышел. Мне был неприятен этот человек, что-то в нём было отталкивающее и мерзкое. Не знаю что, то ли его лизоблюдство, то ли его манера говорить, а скорее всего его образ жизни лентяя и пьяницы. Но его помощь порой была просто необходима, поэтому я купил ему дешёвый сотовый телефон для связи и регулярно пополнял его счёт.

После обеда я возился с бумагами, эта часть работы мне особенно не нравилась. Правда, с появлением компьютеров стало намного легче писать бумаги, естественно, и требовать их стали больше. Не нужно теперь было переписывать сотню раз одни и те же казённые фразы. На освоение новой техники ушло пара лет, но зато теперь я, хоть и не хакер, но скопировать часть текста и перенести в другой документ, научился. Оформив ордер на обыск, мы всей группой выехали на квартиру Ромы.

Дверь нам открыла стройная женщина лет тридцати с шикарными чёрными волосами, в красивом длинном платье. Точёные черты лица и грациозные движения просто влюблили в себя; я поймал себя на мысли, что не могу оторвать глаз от этой красоты.

Выполнив необходимые формальности, мы принялись за осмотр комнат: Петя с Сергеем и хозяином пошли в кабинет, я стал осматривать шкаф с книгами в гостиной. Хозяйка села на край дивана и спокойно наблюдала за происходящим. Когда я проходил мимо, услышал ангельский голосок:

– Нелёгкая у вас работа!

– Что вы имеете в виду? – не зная, что сказать от неожиданности, спросил я.

– То, что трудно, очевидно, бороться с преступностью, когда её становится всё больше.

– Здесь вы правы, работы хватает, – смущённо сказал я, робея перед такой красивой женщиной.

– Люди нынче словно озверели, преступление на преступлении и преступлением погоняет, – выкрикнул из кабинета Серёга, постоянно зыркающий оттуда на хозяйку взглядом кота, почуявшего сметану.

– А знаете, что в Библии предсказывалось всё это?

– Что предсказывалось? Что угрозыск зашиваться от работы будет? – усмехнулся я, пытаюсь пошутить.

– Да, и даже из-за чего работы у вас будет много, – она быстро открыла толстую книгу, лежавшую на столе, и зачитала, – Но знай то, что в последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги, самонадеянными, высокомерными, богохульниками, непослушными родителям, неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми, клеветниками, не имеющими самообладания, ожесточёнными, не любящими добродетельность, предателями, своенравными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога, имеющими вид преданности Богу, но отвергающими её силу.

– Точно это про нас! Не люди, а звери какие-то, – опять подал голос Серёга. – Сегодня такое порой увидишь на вызове, что волос дыбом встаёт!

– Заметьте, что здесь речь идёт о последних днях, значит, так будет не всегда. Здесь же, в Библии, говорится и о том, что будет дальше. Смотрите! – Она пролистнула несколько стра-

ниц и протянула мне открытую книгу, указывая ухоженным пальчиком на строчки внизу страницы.

– Ещё немного, и уже не будет нечестивого; помотришь на его место, и нет его. А кроткие наследуют землю и наслаются обилием мира, – прочитал я.

– Заметили, что будет с преступниками? Их не будет, а послушные наследуют землю.

– Хорошо бы, если так, но это несбыточные фантазии, – улыбаясь, сказал я.

– Когда-то сотовый телефон в кармане тоже был несбыточной фантазией, а сейчас никого не удивляет. Вспомните, что ваш товарищ сказал о первом пророчестве про людей в наши дни, что оно точно про нас, так и про это, придёт время, скажем, точно про нас.

– Нет, мне это точно не грозит: здесь про праведников речь идёт, а я в Бога не верю, – с усмешкой сказал я, а про себя подумал, почему такая красивая и, с виду, умная женщина верит в такую чушь?

К нам подошёл Пётр и тихо сказал:

– Андрей Игоревич, пройдите в кабинет, там кое-что нашли.

Я извинился перед хозяйкой за прерванный разговор и пошёл с помощником. В кабинете кроме Сергея и Львова были понятые, которых пригласили из соседнего дома. Они все стояли возле стола на котором лежал лист бумаги.

– Смотрите, Андрей Игоревич, – Серёга всегда переходил на официальный тон, когда рядом были чужие, – Здесь любопытный документ нашли, в столе лежал, в кипе бумаг.

Я подошёл к столу и увидел завещание Львова старшего, в тексте говорилось, что он лишает своих детей всех прав на его имущество, и, что всё, что у него есть завещает детдому, в котором он находился некоторое время после войны.

– Откуда у вас эта бумага? – спросил я Романа.

– Не знаю, – твёрдо ответил Львов и, немного помолчав, добавил. – Видимо, кто-то подкинул.

– Кто именно?

– Не знаю.

– Мы вынуждены вас задержать по подозрению в убийстве ваших родителей, Роман Викторович, надеюсь, объяснять почему, не нужно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.